

Неизвестное о Л. А. Травине

Казалось бы, о Леонтии Автономовиче Травине мы знаем всё. Те, по крайней мере, кто читал его замечательные «Записки»¹. Их подробность, а главное обилие точных дат, заставляют думать, что автор на протяжении многих лет вел краткие хроникальные записи. Тем удивительнее было обнаружить сразу два факта биографии первого историографа Опочки, о которых «Записки» полностью умалчивают. Обнаружить при сугубо выборочном знакомстве с делами Опочецкого духовного правления в Великолуцком архиве.

То, что речь идет о делах церковных, как раз не удивляет. Глядя на знакомый нам по фотографии живописный портрет (Травин – единственный опочанин XVIII века, которого мы знаем в лицо!), можно вспомнить и другой, словесный, оставленный нам – по детским впечатлениям – Иваном Петровичем Бутырским: «Добрый, умный, *набожный*, почтенный был старик...»². Набожность Травина была именно набожностью человека XVIII столетия, в которой сила живой веры и традиционное русское благочестие естественным образом сочетались с понятиями достоинства человеческой личности, веротерпимости и пользы просвещения.

Как известно, в своих «Записках» Л. А. Травин подробно повествует о предпринятой им на свой страх и риск постройке каменной Крестовоздвиженской церкви в родном селе Велье. Одновременно им был осуществлен ремонт деревянной Михаилоархангельской церкви, а прежняя деревянная Крестовоздвиженская поставлена на ином старом церковном месте и освящена как Преображенская.

Оказывается, был и другой подобный эпизод, но уже во второй период управления Травиным Велейской вотчиной.

В 1770 году в Опочке строилась новая Успенская церковь (та самая, что простояла до конца XIX века). Нашлись между тем приобретатели и на старый храм. Достался он им даром или нет неизвестно, но храм раскатали по бревнам и перевезли верст этак за 50, в соседний Велейский уезд – «гдѣ преждѣ быть вкуневской губѣ погостъ называемой Кунево ивнемъ церковь Покрова Пресвятыя Бцы которая де от находженія здвннихъ лѣтъ литовскихъ людей опустѣла» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 292. Л. 1). Быть может, именно об этом церковном погосте, на левом берегу реки Великой, ниже впадения в нее Сороти, косвенно упоминает Писцовая книга 1585–87 годов: «Покрова святей Богородицы, что въ Кунести, пус. Обарьево всего 2 пустоши да селище, в пусе 15 чети бесъ полуосмины перелогу»³.

¹ Труды Псковского Археологического Общества. Вып. 10. 1913–1914. Псков, 1914. С. 25–131 (публикация Л. И. Софийского). Переиздано: Леонтий Травин. Записки. Псков; Сельцо Михайловское: «Робин», 1998. Предпосланное новому изданию предисловие Вадима Кожина, увы, неизмеримо уступает и качеством, и содержанием тому, что предвляло первую публикацию «Записок».

² Бутырский И. П. Опыт древней истории города Опочки. Издание Н. И. Куколкина. Псков, 1879. С. 8.

³ Сборник Московского Архива Министерства Юстиции. М., 1913. Т. 5. Кн. 1. Псков и его пригороды. С. 384. Если только речь не идет о гдовском погосте Кунестъ, церковь которого ныне посвящена святым Петру и Павлу. Вопрос могли бы прояснить составленные в те же годы описи самих церквей, но по Велейскому уезду они, к сожалению, утрачены.

Запустенья указанных – более чем скромных – владений еще не означает, конечно, разорения самого погоста, хотя в 1581 году войска Батория прошли совсем близко от Кунево.

Переезды деревянных церквей с места на место в старой России были явлением обычным. Только что мы упомянули о переносе Воздвиженской церкви в Велье. Однако в данном случае бывшая церковь была обращена в часовню, на что, как явствует из документов, было получено архипастырское благословление.

Десять лет спустя епархиальная консистория заинтересовалась вдруг куневской часовней и затребовала о ней сведений у Опочецкого духовного правления. Возможно, причиной внезапно пробудившегося интереса стали претензии на здание – заметим мы, далеко не новое – со стороны священнослужителей сгоревшей тогда Воскресенской церкви в Ворониче. Из документов дела, точнее даже двух дел, узнается немало любопытных подробностей. И среди прочего, как можно уже догадаться – об участии в этой истории Леонтия Автономовича Травина. К сожалению, цитировать приходится довольно сбивчивый черновик ответа в Псковскую консисторию⁴. «1780 года дек[абря] 1 дня въдомства Опочецкаго д[у]ховнаго правленія пригорода Велья воздвиженскія церкви с[вя]щенник Григорей Јванов (зачеркнуто: діаконъ Јванъ Григорьевъ) спричетники скаскою показали: прошлаго 1770 году јз города Опочки старая успенская деревянная церковь бывым управителем вотчины Его сиятельства Графа Сергія Павловича Егужинского (зачеркнуто: светлости князя Григорья Александровича Потемкина) в'велеиской вотчины Леонъ Артамоновъ с[ы]нъ Травинъ ево стараніемъ оная церков перевезена јпоставлена в'велеиском же уезде напрежном пустом погостѣ вохрам (неразб.) Покрава Божія М[а]тери часовнею которая ј н[ы]нѣ состоитъ часовниі јвприходѣ состоитъ того пригорода велья упоказанных же с[вя]щенника Јванов[а]...». Ничего невероятного: часть Куневской губы, в самом деле, входила в состав Велейской вотчины, и, между прочим, зимой 1761/62 года тамошние крестьяне были отряжены управителем Травиным возить с велейского городища плиту к месту строительства Крестовоздвиженской церкви. Однако вернемся к документу: «јдуховные требы втои часовни јсправляетъ (зачеркнуто: оноежъ с[вя]щ[енник] Јвановъ), јмертвые тѣла погребеніе чинится втоиже часовни, понужды ради јкрещеніе младенцевъ бываеъ. ј в день с[вя]тые троицы ј в день покрава Пре[свя]тые Б[о]г[оро]д[и]цы в'сенощные бденія ј молебствія бывають јповселенским суботамъ поминовеніе впоказанной же часовни бываеъ; а браковъ в'сѣй часовни несовершается асодержится оная часовня приходскими людьми разныхъ вотчинъ крестьянъ поблизости жителствующихъ тои часовни...». «... Показанная часовня, – читаем также в «репорте», – ... хотя и јмѣнуеъ часовнѣю, толко занеос[вя]щеніемъ аоставлена какъ надлежитъ быть церковью, и действительно в'велеиском уездѣ вдеревни Куневой, накаменномъ фундаментѣ јподрубъ новой, кровля какъ нац[еркви] јалтаре такъ ј притворе новая, јспереди толко југлы ошиты цкамъ новымъ, ј два крилца зделаны новыя же, всрединѣ јконостасъ в верхнихъ дву[х] пояс[ах] апостоли ј прароки поставлены прежней ц[еркви], јцарскіе двери навешены, во алтарѣ престолъ ижертвеникъ (?) устроены две подволоки над середине цркви так же потоци (?) изновыхъ дасокъ идва крылца зделаны новыя...» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 224. Л. 2 об.–3).

Конечно, замечательна и эта «любовь к родному пепелищу» (церкви в Кунево не было, возможно, с начала XVII века!), и эта, плохо вяжущаяся с расхожими

⁴ Чистовик, возможно, сохранился в ее фонде в составе Псковского областного архива.

представлениями о псковской крепостнической деревне, инициатива крестьянского мира. Почти как на свободном Русском Севере, не помещик, а сами крестьяне выступают заказчиками строительства и содержат на свои средства огромную, странно похожую на церковь, часовню. Леонтий Травин – в ту пору, кстати, тоже еще крепостной – в данной истории не более чем проводник «мирских» интересов. Впрочем, без участия дворянского лица, хотя бы формально, все же не обошлось: датированное 23 июля 1770 года прошение его преосвященству о построении в Кунево часовни впереди «разныхъ вотчинъ» крестьян подписал «отставной прапорщикъ Иванъ Аплешнинъ» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 292. Л. 1). Говоря о крестьянской инициативе, нельзя не отметить довольно слабую заботу русского епископата XVII–XIX веков об увеличении числа сельских храмов. На Псковщине, несмотря на большой прирост населения, число приходов по сравнению с XVI веком даже сократилось! И не только из-за «отпадения в раскол». Заметим, что в то же самое время в европейских странах каждая большая деревня составляла отдельный приход.

Как долго простояла в Кунево перевезенная из Опочки церковь, к сожалению, неизвестно. В просмотренных документах упоминаний о ее разборке нет, в просьбе о перевозе здания на Воронич в 1781 году было отказано. Возможно, какие-то дополнительные сведения имеются в фонде консистории в Псковском архиве.

Любопытно отметить, что цитированную «сказку» велейского духовенства и «репорт» об освидетельствовании куневской часовни в Опочечком духовном правлении составлял ни кто иной, как «сего правления присутствующий» соборный священник отец Лазарь Евстигнеев. Тот самый, который, овдовев, постригся, а позднее посхимился в Псково-Печерском монастыре, пользовался большим уважением братии, и в беседе с императором Александром I предсказал точную дату своей кончины: 7 мая 1824 года⁵.

Второй эпизод относится к периоду жизни Леонтия Травина в Опочке и связан с «возобновлением», т. е. капитальным ремонтом, опочечкой Никольской церкви весною-летом 1778 года. Травин, буквально только что (на первой неделе Великого поста) переехавший с семьей в Опочку и заступивший на службу в канцелярию городничего, с окладом 40 рублей в год, выступает в скромной, но благородной роли бескорыстного заимодавца. О чем мы и узнаем из отчетной финансовой ведомости, составленной по запросу Псковской консистории три года спустя, в октябре 1781 года (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 317. Л. 3 об.).

< . . >	рубли	копѣйки
По том понедостатку церковных денягъ показанной канцеляристь леонъ травинъ, вышешоказанным же плотникам Епату афонасѣву с' товарищи вуплату договорной суммы отдал собственных своих, _____	55	
о чемъ онѣ сами јмѣють показать. Еще он травин заплатилъ дому Его Преос[вя]щенства служителю петру исакову по договору	90	

⁵ Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 1912; репринтное издание: Псков, 2004. С. 102–104.

заобделку на церкви главы сообстенныя ево јсакова жестью д[е]н[е]гъ дѣвеносто рублевъ. _ которой также достоверно имѣеть показать Итого <...>	145	
---	-----	--

Чтобы оценить значимость указанной суммы, необходимо знать, что вышеупомянутых «церковных денег» было потрачено только 107 рублей 61 копейка, да и то вместе с 36 рублями 61 копеекой, взятыми отцом Анисимом Афанасьевым из своих личных сбережений... В цитированной ведомости присутствуют также имена купцов Стефана Викулина (строителя опочецкого собора и владельца сохранившегося дома напротив Никольской церкви)⁶, Данилы Порозова (строителя Лукинской церкви), Карпа Порозова, священников Матфея Иосифова и Иосифа Иванова и других, однако речь идет уже не о кредитах, а об одолженных гвоздях, стеклах, сусальном золоте – на общую сумму менее 10 рублей!

Другой документ уточняет, что травинские 145 «рублевъ» пошли не только на оплату труда кровельщика и плотников, но также «натесь, наascalву, налѣсь, нажелѣзо и напроцѣе потребы» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 317. Л. 1).

Тому, кто помнит, что у Софийского деревянная Никольская церковь датирована 1769 годом⁷, наверняка покажется странным, отчего так скоро потребовался ремонт. Неужели же и этот храм пострадал от пожара 1774 года? Нет, конечно. И дело даже не в начавшейся городской перепланировке. Просто пожар был не единственным бедствием, постигшим в 1774 году Опочку. Но, предоставим объяснение очевидцам:

«во опочецкое д[у]ховное правленіе

Доношеніе

Города Опочки ц[е]ркви Николая Чудотворца

С[вя]щенниковъ Саввы Гавріилова и Онисима

Аѳенасьева спричетники ѿ нижеслѣдующем:

Оная наша Николая Чудотворца ц[е]рковь хотя и недавнѡ, построена, но, то повеликой ѡбширности своей, то по причинѣ бывшаго впрошлом 774м годѣ маія 17 числа жестокаго вихря н[ы]нѣ разсѣдается, и упователнѡ что оной будетъ неминуемо скорое падение, ибо ѡт часу во оной ц[е]ркви в сводахъ трескоть умножается, ѡтчего уже и бревна многія измѣсть своих внѣ ц[е]ркви повышли. А какъ осмерикъ во оной ц[е]ркви /которой къ паденію уже совсѣмъ наклоняется/ ѡт Ѳундаменталнаго во оной ц[е]ркви строенія имѣется во ѡбширности своей узкостію мѣнѣе, то и упователно, что оной паденіе свое возимѣеть всредину оной ц[е]ркви, ѡт чего имѣящемуся тамъ јконостасу великое возпослѣдуетъ поврежденіе, а паче /ѡт чего Б[о]ж сохрани/ ежели оное учинится в каковое Б[о]жественное с[вя]щенослуженіе, то какъ нам именованнымъ такъ и приходящему для Б[о]гомоленія во оную народу ѡт онаго неминовать будетъ внезапно смертелнаго удару, что видя мы именованные уже и

⁶ Современный адрес: ул. Ленина, 23.

⁷ «Построена в 1769 году старанием бывшего Опочецкаго купца Авечкина». – Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем... С. 60.

отправлять в показанной Николая Чудотворца ц[е]ркви Б[о]жественное с[вя]щенослужение весьма опасается, а безъ донесения опочецкому д[у]ховному правлению и от онаго свидѣтельства оставить онаго несмѣемъ». Подписи, дата – «апреля 25 дня 1775 года» (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–1 об.). Таким образом, узнается, по крайней мере, что деревянная Никольская церковь принадлежала к наиболее распространенному в архитектуре XVIII века типу «восьмерик на четверике». И возможно даже была многоярусной, подобно своим ровесницам, Успенской и Лукинской.

Предрекавшаяся священнослужителями катастрофа вскоре действительно произошла. «...А николаевская приходская упала», – читаем в перечне городских церквей, составленном в декабре 1776 года (ГАВЛ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 151. Л. 1). Иными словами, от обрушения до возобновления храма прошло, как минимум, два, а вернее всего, три года. Зато, восстановленная при участии Леонтия Автономовича Травина и вновь освященная Никольская церковь была, как известно, сделана соборною, в каковом статусе и оставалась вплоть до завершения постройки каменного Спасо-Преображенского собора⁸.

Теперь, когда факты нам известны, допустимо задаться вопросом о причинах умолчаний. Вполне естественных, впрочем, ибо записки – не дневник. Факт безмездного кредитования ремонта Никольской церкви мог быть опущен из христианского смирения. «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Матф. 6:3). Что же до авантюры с куневской часовней, то возможно она просто плохо ложилась в текст «Записок». Надо признать, что Травин с явной неохотой вспоминает о втором периоде управления им Велейской вотчиной. «Итак продолжалось время управления моего 768, 769, 770 и 771 годы в чрезвычайных трудах и попечениях, особливо при выборе от семей и отдаче рекрут...». Конфликт из-за рекрутского набора с семьей крестьянина Якова Синильника едва не стоил Травину жизни. Кстати, этот единственный подробно рассказанный эпизод тех лет содержит упоминания о поездках управляющего и других служителей Велейской вотчины в Опочку. Быть может, во время одной из таких поездок и была достигнута договоренность об уступке готовой к разборке ветхой Успенской церкви?

⁸ О возобновлении деревянной Никольской церкви и о строительстве в Кунево часовни см. также: Гордин А. М. Деревянное церковное строительство последней трети XVIII в. по материалам архива Опочецкого духовного правления. Николаевская церковь пригорода Красного // Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского (1909–1969). СПб., 2001. С. 65–66.